

Оксана Запорожец

Christina E. Crawford. Spatial Revolution: Architecture and Planning in the Early Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2022. 385 pp. ISBN 9781501759192.

*Оксана Запорожец, Институт региональной географии им. Лейбница, Германия.
o_zaporozhets@leibniz-ifu.de.*

В сегодняшней геополитической ситуации сложно представить, чтобы истории планирования трех городов – Баку, Магнитогорска и Харькова – могли оказаться под одной обложкой. Разорванному настоящему свойственно затмевать, а порой и вовсе вытеснять общее прошлое. В книге «Пространственная революция: архитектура и планирование в раннем Советском Союзе» соседство упомянутых городов кажется уместным и оправданным. Кристина Кроуфорд напоминает читателям, что век назад Баку, Магнитогорск и Харьков входили в состав единого государства и каждый из городов внес особый вклад в формирование советского городского планирования. Кроме того, сама позиция авторки, институционально и географически дистанцированной от описываемых мест, но отлично знающей материал и эмоционально включенной в рассказ, превращает ее в практически идеального внешнего наблюдателя.

Книга прекрасно написана и читается с огромным интересом. В ней четкие и ясные обобщения, основанные на богатом статистическом и архивном материале, идеально сочетаются с деталями, вызывающими искреннее удивление у читателя. Истории – о дырявых ботинках советского архитектора, приведших к заключению крупного контракта, или о заграничном тракторе, который советские инженеры разобрали на части, но так и не смогли понять принцип его работы, – превращают книгу в остросюжетный роман.

«Пространственная революция» вдохновлена масштабной и сверхскоростной индустриализацией и сопутствующей ей урбанизацией в СССР в 1920-х – начале 1930-х годов. За это десятилетие ландшафт ранее преимущественно сельскохозяйственной страны радикально изменился: были построены тысячи новых заводов, 87 новых городов, вмещавших 4,5–5 миллионов жителей, и сотни рабочих поселков (с. 2). Три конкретных кейса – проектирование и строительство в Баку, Магнитогорске и Харькове – были выбраны, чтобы показать, как «происходила эволюция социалистического проекта в пространственно периферийных, но экономически ключевых районах, где вложения были огромны, а планировочные эксперименты наиболее интенсивны» (с. 2). Каждый из отобранных авторкой городов играл значимую роль в советской индустриальной системе: Баку был важнейшим центром нефтедобычи, Магнитогорск – ключевой базой производства стали, Харьков – центром тракторного машиностроения.

Обращение к случаям, каждый из которых неплохо известен, представляет собой вызов для любого автора, стремящегося избежать повторений и рассказать собственную историю. Кроуфорд уверенно выстраивает свою траекторию, сосре-

дотачиваясь на двух сюжетах. Первый раскрывает особенности формирования и развития советского городского планирования и строительства, начиная с небольшого масштаба – планирования и возведения нескольких городских кварталов в Баку – и заканчивая гигантскими стройками предприятий и окружающих их городов в Магнитогорске и Харькове. В книге отлично показано, как действовала специфическая советская система агентности, которая обеспечивала огромные масштабы строительства в предельно сжатые сроки, «поскольку государство было клиентом, владельцем земли и девелопером» (с. 10). Описание логики и практик социалистического строительства сегодня важно для понимания разнообразия существующих в мире градостроительных практик, которые нередко полностью отождествляются с капиталистическими.

Второй сюжет напоминает, что раннее советское городское планирование не было изолированным от мирового опыта. Как отмечает Кроуфорд, «такие города как Баку, Магнитогорск или Харьков в начале XX века были элементами глобальной сети, связанными экспертами, технологиями и материалами» (с. 4). Раннее советское планирование было «сшито» с мировой архитектурой сотней нитей – контактами, «создававшимися» поездками советских архитекторов в США и Европу и визитами их зарубежных коллег в СССР, совместными проектами, чтением одних и тех же книг. Эта связь, создававшаяся в течение многих лет усилиями множества людей, впоследствии, как показывает авторка, целенаправленно вытеснялась из памяти и в СССР, и за его пределами.

Книга чутко и точно реконструирует контекст раннего советского времени. Она напоминает о стоявших перед молодым советским государством основных задачах (включая индустриализацию страны и модернизацию сельского хозяйства), от успешности выполнения которых зависело сохранение его экономической и политической независимости. Кроуфорд справедливо отмечает, что формулировка задач определялась идеологией, в то время как их реализация зависела от вполне прагматических обстоятельств – наличия или отсутствия ресурсов. Такая прагматика должна приниматься во внимание, если мы хотим приблизиться к пониманию советского, да и любого другого, общества. Именно прагматикой объяснялось стремление советского руководства наладить плотное сотрудничество со специалистами из идеологически враждебных государств, ведь молодому советскому государству катастрофически не хватало специалистов, знаний и технологий, необходимых для быстрой индустриализации. Кроуфорд иллюстрирует несовпадение прагматики и идеологии впечатляющими примерами: в то время как правительство США официально не признавало СССР до 1933 года, между странами велся интенсивный экономический обмен, в частности, американская компания Ford Motor в 1920-е годы была ведущим поставщиком тракторов в СССР. Доля тракторов, созданных на заводах Форда, к 1927 году достигла 85% от общего количества тракторов в СССР (с. 227). Как можно понять по этому примеру, расхождение прагматики и идеологии наблюдается не только в СССР, но и в противостоящих ему капиталистических странах.

Книга задает важные теоретические вопросы, в частности в каких предметных полях рождается городская теория. Принято считать, что теория города как

конгломерата людей, пространств, технологий, создается социологами. Однако «Пространственная революция» убедительно показывает, что в случае Советского Союза терминологический аппарат и методологию городского исследования стоит искать в архитектуре или градостроительстве. Новые реалии создавали запрос на новый язык, результатом чего стало появление новых терминов, включая *градостроение* и *соцгород* (с. 7–8), и сегодня остающихся частью профессиональной риторики.

Каждая глава посвящена отдельному случаю. В первой рассматривается Баку – «нефтяной город», развитие которого в 1920-е годы определялось интересами местного нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего предприятия «Азнефть». Случай Баку иллюстрирует ранний этап изменения советского города, когда опора на местные ресурсы ограничивала масштабные преобразования, сводя реформы к отдельным изменениям городской среды. Проблема нехватки и низкого качества жилья, унаследованная еще с дореволюционных времен, обострилась в Баку из-за планов «Азнефти» начать добычу нефти в пригородных районах и переселить их жителей. Планирование и строительство новых районов осуществлялось за счет ресурсов города и предприятия, а создание городского плана было поручено Александру Иваницкому, частному эксперту, приглашенному из Москвы. Случай Баку показывает хаотичный характер первых попыток усовершенствования городской среды. Так, отсутствие четкого плана переселения и сведений о количестве переселенцев привело к строительству недостаточного объема жилья. Эта ошибка указала на важность социальных исследований для принятия обоснованных градостроительных решений.

Вторая глава посвящена «городу стали» – Магнитогорску. Показательно, что основное место в главе занимает не описание планирования самого Магнитогорска, а дебаты о социалистическом городе, разворачивающиеся в конце 1920-х годов в Москве. Это отражает специфику постепенно централизующегося советского городского планирования, парадоксы которого ярко описаны в тексте. Первым из парадоксов стало расхождение теории и практики городского строительства. Пока в Москве шли жаркие теоретические споры о том, каким быть идеальному социалистическому городу, жители самих новых городов, расположенных за тысячи километров от столицы, как свидетельствуют включенные в книгу фотографии, жили в землянках и юртах, поскольку строительство жилья катастрофически не успевало за развитием промышленных предприятий. Второй парадокс заключался в несовпадении теории и практики городского планирования. Новаторские теоретические дебаты о будущем социалистического города между Леонидом Сабсовичем и Михаилом Охитовичем и их последователями в конце 1920-х годов оставались преимущественно на бумаге. В случае с Магнитогорском планы городской застройки, отражавшие теоретические поиски советских урбанистов, были отвергнуты из-за радикальности, а планировка города была поручена опытному и более умеренному немецкому архитектору Эрнсту Маю и его команде. В послужном списке Мая и его коллег было к тому времени успешное строительство рабочих кварталов в Германии. В этой главе также реконструируются основные направления градостроитель-

ных споров, где модели концентрированного города соперничали с концепцией децентрализованного пространства, объединенного сетями связи и транспорта. Кристина Кроуфорд отмечает абсолютное совпадение советских дискуссий с современными им американскими обсуждениями, что говорит о наличии сходных проблем, вызываемых интенсивной индустриализацией, и параллельном поиске их решений.

Третья глава обращается к «городу машиностроения» – Харьков. Если проекты в Баку и Магнитогорске были этапами споров и поисков решений, то в Харькове решения, апробированные в других советских городах, проверяются и совершенствуются, чтобы впоследствии стать стандартами советского промышленного и городского строительства и воспроизводиться в масштабах страны. В период, рассматриваемый в главе (1930–1932 годы), Харьков был столицей Украинской ССР, что придавало особую значимость реализуемым в нем проектам. Планирование и строительство двух объектов – Харьковского тракторного завода и соцгорода Новый Харьков для его работников, по мнению Кроуфорд, отражало новый этап развития советского городского планирования – усиление государственного контроля посредством стандартизации и введения нормативов в планировочную деятельность и работу специалистов-планировщиков. Согласно новым правилам, планирование могло осуществляться только государственными структурами, что означало конец эпохи частных специалистов. Стандартизация городского планирования поддерживалась общей рационализацией советской системы управления, в частности развитием системы статистического учета, необходимого для разработки реалистичной городской застройки. Стандартизация планировочных решений позволяла увеличить темпы и масштабы строительства, а также гарантировала приемлемое качество построенных объектов. Однако стандартизированная застройка была нечувствительна к местным особенностям. Компенсировать этот недостаток должна была «привязка» – приспособление готовых планировочных решений к имеющимся условиям. Однажды апробировав технологию строительства, ее можно было переносить в другие места и быстро адаптировать за счет доработок, что стало одним из ключевых принципов советского планирования на долгие годы.

Строительство промышленных и жилых объектов в Харькове можно считать своеобразной работой над ошибками. Проекты, разработанные для других мест – тракторный завод для Волгограда или соцгород для Магнитогорска, адаптируются к местным условиям или переосмысляются в попытке избежать допущенных ошибок. Особенно ярко это проявляется в планировании соцгорода группой под руководством Павла Алешина. Учтя ошибки стихийного строительства в Баку, планировщики в Харькове старались на основе статистических сведений определить приблизительное количество будущих жителей соцгорода и их социальный состав, включая пол, возраст и семейное положение, чтобы установить потребность в разных типах жилья и социальных объектах, включая детские сады, школы, учреждения общественного питания и пр. Во избежание ошибок строительства соцгорода в Магнитогорске, в Харькове создается жилкомбинат – образец застройки советских городов на долгие десятилетия (с. 284).

Харьков – один из последних примеров тесного сотрудничества советских планировщиков с иностранными коллегами в 1930-е годы. Начавшееся с планирования и строительства тракторного завода в Волгограде, сотрудничество советских специалистов с американской архитектурной фирмой Albert Kahn, завершается в Харькове. На основании новых правил, принятых в СССР, вся проектная документация, созданная американской фирмой, передается советскому государству, что приводит к строительству множества тракторных заводов на территории СССР уже без участия фирмы-разработчика.

Глава, посвященная Харькову, пожалуй, самая пронзительная часть книги. Особое внимание в ней уделяется человеческой стороне создания ранних советских городов. Это и изнуряющий труд энтузиастов-проектировщиков, и приобщение к строительству волонтеров – людей без опыта работы, приводящее к низкому качеству построенных объектов, и впечатляющее неравенство в условиях жизни приглашенных зарубежных специалистов и местных работников. Пронзительность описания усиливается рассказами строителей харьковского соцгорода о повседневной жизни во время Голодомора.

В заключение хотелось бы наметить несколько направлений возможной дискуссии. Прежде всего, интересно развитие методологии *nodal history*, упомянутой в книге, но оставленной без внимания. Эта методология настраивает оптику на рассмотрение истории как сложных сетей взаимодействий отдельных людей и организаций, выходящих за пределы национальных государств и других фиксированных объединений. Аналитическая сборка мира особенно полезна в моменты его увеличивающегося разобщения. Другое направление дискуссии формируется вопросом: можно ли рассказать историю городского планирования и строительства не только как историю больших имен – градопланировщиков, архитекторов, теоретиков, – но и как историю организаций – конструкторских бюро, строительных объединений, государственных структур, а также рабочих, местных жителей и множества других агентов? Или имеющихся документов и другого рода свидетельств для такого рассказа недостаточно? При всем стремлении авторки создать многослойность и многоперсонажность повествования в каждой главе есть ключевые фигуры, усилиями которых создаются города. И, наконец, надо отметить вопросы, связанные с особой чувствительностью современного мира к позиционности исследователей: должна ли позиционность автора обязательно проблематизироваться в тексте? Могут ли мультилокальные исследования выполняться одним автором, в мире, где многократно усиливается эпистемологический статус локального знания, а принцип «ничего о нас без нас» требует включения местных экспертов?

Книга Кристины Кроуфорд стоит особняком в череде текстов, посвященных советским городам. Авторка говорит о нежелании идти проторенной тропой – описывать один город – как это делают Стивен Коткин (Kotkin 1995) или Евгения Конышева и Марк Меерович (2012) – и через него понимать историю советского градостроения или общества в целом. Своим стремлением показать формирование централизованной системы советского городского планирования «Пространственная революция» отчасти близка «Культуре Два» Владимира Паперного

(2016), фиксирующей переход от экспериментов и поисков архитектурных решений к формированию советского канона.

Если применительно к этой книге задаться вопросом «Что можно было сделать лучше?», то пожелание определенно адресуется не автору, а издателю. Бумажное издание книги прекрасно смотрится благодаря наличию множества иллюстраций и весьма плохо читается из-за мелкого размера шрифта. По счастью, книга размещена в открытом доступе, так что несовершенство шрифта легко устраняется.

Теперь я точно знаю, на какую книгу я буду ссылаться, если понадобится дать представление о раннем советском городе и градостроении или показать механизм стремительной урбанизации. Значимость книги и ее новаторских положений подтверждена престижной премией международного Общества историков архитектуры (Society of Architectural Historians). Понимая всю значимость английского языка, на котором написана книга, для международной дискуссии, хочется надеяться, что когда-нибудь книга будет опубликована на языках тех городов, о которых она так увлекательно рассказывает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Конышева, Евгения и Марк Меерович. 2012. *Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска)*. М.: Лананд.
- Паперный, Владимир. 2016. *Культура Два*. М.: Новое литературное обозрение.
- Kotkin, Stephen. 1995. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.